

— Мне непросто говорить о моей новой работе. Одна из ее тем: как преображает человека искусство, какие неожиданные чувства проявляются в нем, какие черты характера раскрываются. А еще — это повесть о небольшом городе, о людях его, радостях их и заботах... Герой повести Лосев — председатель исполкома маленького глубинного города. Попав в Москву по делам, он случайно оказывается на выставке, где видит картину, чрезвычайно его взволновавшую. Картина эта сыграет свою роль, очутившись в «родном» городке, откуда приехал в Москву Лосев.

Передавая нашему корреспонденту рукопись главы своей новой повести, Даниил Гранин сказал:

НАКАНУНЕ отъезда Лосев зашел на выставку. То есть каким-то образом он оказался на этой улице и зашел. То есть даже не зашел, а очутился, потому что выставка была закрыта и он прошел случайно, вместе с какими-то рабочими в синих халатах, которые выносили скульптуры, таскали ящики.

К счастью, до того зала еще очередь не дошла. Теперь Лосев стоял в этом зале один. Стучали молотки, с визгом тащили ящик по полу. Деловой этот шум нисколько не мешал. На картине был изображен дом Кислых в Лыкове. За ним, слева, в дымке проступала каланча. Не четко, но все же. Навероятно, чтобы все так сошлось с другой местностью.

Свет падал на картину, переходя в нарисованные золотистые потоки лучей, что косо упирались в реку, вода светилась им навстречу изнутри синевой. У самого обреза воды лоснились чугунные тумбы... С прошлого раза картина словно бы обрела новые подробности. Из раскрытого окна второго этажа вздувалась занавеска. На реке же в тени нависшей ивы поблескивали бревна гонки, один раз между ними привиделось что-то белое; стоило Лосеву сдвинуть голову, это исчезало, терялось в тени. Он и так, и этак отклонялся, ища точку, откуда можно рассмотреть этот предмет. Однажды ему показалось, что это мальчишка купается, держится за край гонок, выставив голые плечи... Гонки — длинные связки бревен, что гнали по Лясьве сплавщики в резиновых сапогах и коробчатых брезентовых плащах. Горячие от солнца, липко-смоляные бревна, связанные видами, медленно плыли мимо дома Кислых, мимо городка, и так сладко было лежать на них, болтая ногами в речной воде, где морщилось отраженное небо и заставленные лодками берега. Картина возвращала его в какое-то давнее летнее утро его мальчишеской жизни. Никаких прямых обозначений года не было. Но он узнавал забытые краски и запахи детства, когда цветы пахли сильнее, леса были гуще, хлеб был вкуснее и каждая рыбина, пойманная в этой Лясьве, была огромной. Он скорее угадал, чем увидел, тропку напрямки через огороды к Петьке Хромому. Впервые он вспомнил про Петьку, старшего их компании, и Валюшку Пухова, что потом служил в милиции где-то на Дальнем Востоке. Вспомнилось, что там, рядом с Петькой, жили тогда они с отцом в мезонине доповского дома, давно снесенного. Прямо по тропке, через поваленный плетень, через мощенную булыгой старую дорогу, по дошатаму тротуару, мимо гаражей, где стояли полторки и районная эмка и вкусно пахло бензином... Он услышал голос матери оттуда из-за высокой зелени деревьев — Сте-о-оп! — и побежал к нему, в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалась бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блестя, играет, плещется, наполняется звуками, мелкими, слышимыми только тогда, мальчишеским ухом: кузнечики, шлепанье лягушек, дальний визг пилорама.

Было чудо, что художник поймал и сохранил навечно в этой белой рамке тот день со всеми красками, запахами, теплотой.

Никогда он и не подозревал, что Лыков его может быть таким красивым, особенно это место, неблагоустроенное, насчет которого существовали всякие планы, которое несколько лет уже числилось пятном застройки.

Темно-синее надвинулось, все заслонило, отсекло Лосева, который был там на реке, от его туловища, которое стояло в зале и смотрело, как рабочие снимают со шнуров картину.

Лосев прошел в дирекцию узнать, как приобрести эту картину для Лыкова. Нельзя ли, например, оформить по безналичному расчету на Дом культуры? Выяснилось, что картина эта — из собрания вдовы художника. Так что о безналичном расчете речи быть не могло, да к тому же известно, что она неохотно продает. Телефона у нее не было, Лосев взял ее адрес и в конце дня поехал к ней на такси.

По дороге он купил коробку с тортом и какие-то толстые белые цветы на три рубля.

Дом был панельный, без лифта, квартира на пятом этаже. Дверь ему приоткрыли на пепочке, не разобрать кто, и он должен был в пахнущую луком шель объяснить, что ему надо. Впрочем, он не стеснялся. Он был уверен, что все получится, поскольку дело ясное, непреложное и он не сам по себе, не частное лицо. Это всегда действовало на людей.

Вдову художника звали Ольга Серафимовна. Она протянула Лосеву большую белую руку, привычно выгнув кисть, как для поцелуя. Насчет поцелуя он сообразил потом, пожал ее руку. Это был первый промах. Следующий был цветы. И уж полный конфуз вышел с тортом.

— По какому поводу? — громко спросила Ольга Серафимовна. — Чтобы уговорить было легче? И торт? Вы что же, надеетесь, что я вас чаем поить буду?

Она была величественной, огромной, слово «старуха» к ней не подходило, хотя ей перешло много за семьдесят. Седые пышные волосы горели над ней серебром. Она восседала за столом, накрытым желтой плюшевой скатертью, положив перед собою красивые сильные руки, которые не испортили ни годы, ни работа.

— Виноват, Ольга Серафимовна, действительно неудобно, вроде как на чай набиваюсь, — удивился Лосев. — С другой стороны, я от души.

— И вот что, вы не разыгрывайте мужичка.

— Кто знал, что вы такая, — сказал он. — Ну цветы-то не виноваты, мы уж их в вазочку, — в таких случаях он упорно держался начатого, не позволяя себя сбить. И пошел на кухню, налил воды в какую-то вазу, вернулся, поставил ее в сторонку на самоварный столик, при этом нахальная выставка по-простепки, словами самыми неумелыми, чтобы получилось смешнее, да еще пуская в ход свою белозубую улыбку с подмигом, отчего все двойлось и становилось неповяно, кто над кем смеется. А квартира была малогабаритная, потолок два пятьдесят, давно не отремонтированная, на потолке трещины, мебель послевоенная — фанера.

Шуткам его смеялись. В углу, закинув ногу на ногу, в вельветовых штанах, в малиновом пиджаке сидел, похихивая трубкой, мужчина — смуглый, похожий на индееца, тот, который открыл Лосеву дверь. Стеснительный и в то же время желанный, с речью запутанной.

На стенах висели рисунки, линией, как потом узнал Лосев, на с роскошной грудью, больно лежала в разных позах, стоял бакор. Лицо обозначено было, но, чем именно напомнила о себе, такти Лосев понял, что это

— Узнаете? — спросил смуглый мужчина. — Чего ж не узнать, — сказал Лосев, — вылитая Ольга Серафимовна.

Она милостиво улыбнулась и чуть расправила плечи, как бы разрешая себя сравнивать. Лосев подумал, как хороша была она всей своей крепкой бабьей фигурой, и ничего стыдного в том, что рисунки эти тут висят, нет. И оттого, что рисунков было много, не было нехороших мыслей, а видно было, что художник любовался ее телом и жадно рисовал ее по-всякому.

Про Лыков она впервые слышала, с Астаховым она сошлась после войны, у него были до нее жены и у нее мужа. Под иконами, чуть сбоку, висела ее фотография с Астаховым, старым тяжелым толстяком с базедово-выпученными глазами.

— Это он мне таким достался, — сказала Ольга Серафимовна. — Раньше-то он был гусар. Бадин! — Она кивнула смуглому мужчине, и тот достал потрепанный каталог выставки двадцать шестого года. На первой странице была фотография Астахова в белой блузе, стройного, с усиками, с длинными, по-нынешнему, волосами. Глаза его блестели, он еле сдерживал улыбку.

— Первая и последняя его персональная выставка, — сказал Бадин.

На черно-белых фотографиях картин были толпы людей, лошади, стиснутые коридорами улиц, какие-то смутно-знакомые лица, очертания ленинградских набережных и на них конница с пиками и трубами...

Картины «У реки» там не было. Бадин сказал, что она написана позже, в тридцатых годах, и показал другой ка-

Даниил ГРАНИН

ДОМ В ЛЫКОВЕ

талог ленинградской городской выставки к юбилею Академии художеств.

Фотография сделала картину неузнаваемой, а дом Кислых и места вокруг дома стали, наоборот, куда натуральнее, совсем похожими, как в существующем положении.

— Ах, вот эта, — сказала Ольга Серафимовна. — Так вы полагаете, что это Лыково?

— Лыков, — вежливо поправил Лосев.

— Лыков, — повторила Ольга Серафимовна, вслушиваясь.

— Тридцать шестой, тридцать восьмой, он тогда ездил мало, — сказал Бадин, — разве что в Карелию. При чем тут Лыков?..

— Ах, Бадин, вы не знаете, ведь он после Кати вытворил черт знает что, — с какой-то тоской сказала Ольга Серафимовна. — Помните, крышу разрисовал у одного художника?

— Кажись, это пораньше было... — мягко попробовал было Бадин, мучаясь от того, что ему приходится поправлять ее.

— Слышите? — Ольга Серафимовна слегка повернула голову к Лосеву. — Они лучше меня знают. А что, может, и лучше... Я ведь не думала, что все это пригодится. Я просто жила. И всего-то прожила с ним лет шесть. Какая я вдова, я наследница, я владелица... Бадин, вы помолчите... Есть вдовы, которые вдовы лучше, чем жены. Воспоминания пишут... Лыков... — она прикрыла глаза.

— Может, он что рассказывал? — спросил Лосев.

Ольга Серафимовна посмотрела на него словно издали: — Где это?

Он объяснил, не вызвав у нее никакого интереса. Бадин, который, оказывается, был специалистом, писал статью или же книгу про Астахова, тоже ничего не мог пояснить: когда художник был в Лыкове, зачем, может, у него имелись там родственники, друзья, у кого-то он останавливался? Не исключено. Может, у него вообще с этим городом что-то связано?..

Лосев сказал:

— Так что вам, Авдей Харитонович, задание от нашей лыковской общественности — уточнить происхождение этого пейзажа и тем самым ввести в историю живописи наш город. — И подмигнул. Тем же шутивым тоном он попробовал выяснить, как теперь расценивается картина в смысле претензий к ней, в свете, так сказать, прошлой критики, поскольку она ныне была всенародно выставлена, и заодно в смысле непосредственно денежной цены. Он был поражен, когда Бадин, которому Ольга Серафимовна каким-то малым движением головы перекинула этот вопрос, назвал две тысячи рублей.

— Это вы как... серьезно? — не удержался Лосев.

Бадин посмотрел на него, как на человека, произнесшего что-то неприличное, и спросил, во сколько же он оценивает картину и из чего исходит при этом, из каких цен.

Две тысячи?.. Не то что для себя, для города Лосев не мог позволить, ни по какой статье не протянуть такую сумму.

— Не кажется ли вам, Степан Андреевич, что цена может быть и три тысячи. И пять! — с некоторой обидой сказал Бадин, показывая, что все эти денежные дела, которые его заставляют вести, ему неприятны.

За что, спрашивается, заламывают такую сумасшедшую сумму? — возмущался про себя Лосев. Какое право они имеют, тем более, что картина, по сути, национальное достояние, а не личное, может, этот Астахов в один день ее написал, раскрасил!